

Донатас Банионис: За многое благодарен Ленинграду

Имя моего собеседника — народного артиста СССР Донатаса Баниониса хорошо известно каждому. Мы знаем его по работам в театре, в кино, на телевидении. И почти каждая его роль своеобразна, интересна, непременно запоминается.

Так уж совпало, что буквально накануне приезда к нам на гастроли Паневежского драматического театра, художественным руководителем которого ныне является Банионис, Ленинградское телевидение показало снятый «Ленфильмом» трехсерийный телефильм «Приключения принца Флоризеля», где артист снялся в роли председателя клуба самоубийц.

Поэтому разговор невольно и начался с вопроса о том, какую роль сыграл «Ленфильм» в творческой судьбе актера Баниониса?

— Для меня, — ответил он, — встреча с вашим городом, съемки на «Ленфильме» имели решающее значение. Можно сказать, что здесь совершился один из самых важных поворотов в моей артистической биографии.

А вышло все так: после успеха картины режиссера Жалаквичюса «Никто не хотел умирать», в которой я сыграл главную роль (это была моя четвертая работа в кино, но, как и предыдущие, в картине литовских кинематографистов), я снялся на «Беларусьфильме» и «Мосфильме». В обеих этих картинах у меня были незаметные эпизодические роли. И вдруг приглашение с «Ленфильма» — на главную роль в «Мертвом сезоне».

Эта интереснейшая работа оставила в моей душе большой след. Картина явилась первенцем нашего кино в жанре психологического детектива. И я впервые убедился, что в любом жанре, если использованы все глубины психологической игры для воплощения достоверного образа, можно сказать что-то, волнующее людей, а не просто сделать зрелище для пустого развлечения. Запомнились мне также встречи и беседы с замечательным человеком, который стал прообразом главного героя картины.

Еще одно значительное событие в жизни — и снова «Ленфильм». Приглашение от Козинцева сниматься в «Короле Лире», Участие в создании такого фильма само по себе большая школа профессионализма. А к тому же мне была поручена роль Олбана. Обычно его играют немолодым, ко всему безразличным стариком. Козинцев же предложил совершенно иную трактовку образа. Многим обогатила меня работа с этим большим педагогом и режиссером.

А когда я снимался в «Гойе» (совместная постановка «Ленфильма» и «Дефа», ГДР), то особенно хорошо узнал и по-настоящему оценил все сокровища живописи, хранящиеся в Эрмитаже. Я подружился с ленинградскими художниками, в особенности с Девятовым и Межи-

ровым, которые оказали мне громадную помощь в работе. Нужно было создать на экране образ художника, достойный не только психологически, но и чисто профессионально, ведь в ряде кадров мне предстояло работать у мольберта. Вот поэтому я в течение двух месяцев посещал занятия в Академии художеств.

Одним словом, для меня в моей кинематографической биографии Ленинград стал как бы второй родиной после моего родного города Паневежиса, явившегося для меня также и родиной театральной.

— Несколько слов о начале вашего творческого пути, о наиболее значимых для вас работах на сцене.

— Я с детства попал в театр. Здесь я учился мастерству, моим педагогом, наставником стал основатель и многолетний художественный руководитель нашего Паневежского театра Юозас Мильтнинис. Так что все азы нашей нелегкой профессии постигал, что называется, прямо на сцене. Свою первую главную роль сыграл, когда мне было семнадцать лет. Облегчило эту непростую работу совпадение, которое было между мною и моим героем — главным действующим лицом пьесы литовского драматурга Казиса Бинкиса «Поросль». Мы были ровесниками, я, как и он, происходил из бедной семьи, у каждого из нас была большая мечта. Он хотел стать летчиком, я мечтал о сцене. Играл я искренне и был очень рад, что эта роль стала большим успехом не только лично моим, но и нашего театра. Конечно, тут не было еще искусства во всей полноте этого слова.

К тем ролям, которые имели решающее значение в моей творческой судьбе, я отношу Андрея Белугина, Павку Корчагина, Тесмана в ибсеновской «Гедде Габлер». Эта последняя роль интересна была для меня тем, что здесь требовалось со всей убедительностью показать все черты персонажа, которые чужды мне как человеку. Говоря о больших, важных для меня ролях, хотелось бы назвать также Вилли Ломена в «Смерти коммивояжера» и, конечно же, Давыдова в «Поднятой целине».

— Наш разговор начался с телевизионного фильма. Как вы относитесь к этому жанру?

— Признаться, я отношусь к нему с сомнением. К сожалению, в этом жанре существует увлечение сериалами, причем внимание зрителей чаще всего концентрируется на сюжетных ситуациях, да и человек у телевизора ведет себя по-другому, чем в театре или в кино. Там уж спектакль или фильм должны быть очень плохими, чтобы зритель ушел, а здесь он может спокойно переключить программу, чтобы посмотреть футбольный или хоккейный матч, а завтра спросить у соседа или товарища по работе: «Что же там было дальше?»

Но работа в кино и на

телевидении, особенно в Ленинграде, подарила мне дружбу со многими замечательными актерами вашего города. В первую очередь хочется назвать Кирилла Лаврова, Владислава Стрельчика, Евгения Лебедева, Олега Басилашвили. Все они не только большие художники, но и подлинно творческие единомышленники. Вообще я очень люблю БДТ. Этот театр близок мне своей эстетикой, каждый его спектакль открывает что-то новое, отвечает моему мировоззрению.

Добрые связи у нас с Игорем Горбачевым, с которым вместе снимались в «Операции „Трест“», с Игорем Дмитриевым.

Должен сказать, что вы, ленинградцы, по праву гордитесь своим городом. Я побывал во многих странах мира и могу сказать с полным правом: Ленинград один из самых прекрасных городов на планете. Здесь хочется восхищаться не только музеями и театрами, но и просто бродить по улицам, оставаясь у отдельных домов. Жаль только, что на такие прогулки совсем нет времени, особенно в нынешний приезд.

— Вы ныне дважды «дебютант» — и как художественный руководитель театра, и как постановщик спектакля...

— Действительно, когда Юозас Мильтнинис ушел, как говорится, на заслуженный отдых, то в театре было принято коллективное решение, которое нашло поддержку и у руководства нашей республики, — просить меня взять на себя руководство театром.

Все важнейшие решения мы принимаем коллективно, хотя отвечать за них мне приходится одному.

Сохраняя лучшие из всех художественных принципов, которые десятилетиями складывались в нашем театре, мы ни в коем случае не хотим, чтобы он превратился в этакую «музей». Нельзя останавливаться на достигнутом, как бы прекрасно оно ни было. Надо искать, даже порой ошибаясь. Мы уже сделали какие-то шаги в этом направлении. Что-то получилось, с чем-то не согласился зритель. Будем продолжать поиски, чтобы наши спектакли всегда были интересны зрителю, учили его высокому идеалу. Ответ на эти важные вопросы я и попытался найти в пьесе литовского драматурга Казиса Сая «Ржавая вода», которую мы поставили вместе с Гедминасасом Каркой.

— Традиционный вопрос о творческих планах. Каковы они?

— Сейчас снимаюсь в одной из картин на «Мосфильме», занят выбором новой пьесы, которая будет поставлена на нашей сцене к юбилею СССР. Более подробно говорить о планах не хочется до той поры, пока все эти работы не будут вынесены на суд зрителя.

Беседу вел
Т. САТЫР

Фото А. ПАУЛАУСКАСА